

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Е.Р. Ярская-Смирнова, Д.И. Присяжнюк, О.Е. Вербилович

ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ: ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И МНЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ АКТОРОВ*

Статья посвящена изучению преимуществ и рисков приемной семьи как одной из ключевых форм устройства детей-сирот в современной России. Показано современное состояние социальной заботы о детях-сиротах, рассматриваются ключевые показатели процессов деинституционализации этой заботы, а также особенности публичного дискурса по этой проблеме. Авторы осуществляют обзор зарубежного опыта оценки детского благополучия и указывают на российские методики по оценке семейных форм устройства. В ходе анализа полуструктурированных интервью со специалистами в области устройства детей-сирот мнения экспертов были сгруппированы по показателям детского благополучия. Приемная семья с точки зрения экспертов с большей вероятностью позволяет ребенку пройти нормативный жизненный путь: обрести самостоятельность, получить образование, создать собственную семью. Наиболее релевантной эта форма устройства становится для воспитания таких категорий сирот, как дети с инвалидностью, подростки, дети с серьезными поведенческими трудностями. Отмечаются уязвимые

---

* В статье используются данные, полученные в рамках проекта НИСП «Возможности и ограничения различных форм устройства детей в достижении их максимальной социальной адаптации», выполненного при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Ключ».

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, PhD, профессор департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (eiaraskaia@hse.ru).

Iarskaia-Smirnova Elena — Doctor of Sociology, PhD, Professor, Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics» (eiaraskaia@hse.ru).

Присяжнюк Дарья Игоревна — кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (dprisyzhnyuk@hse.ru).

Prisyazhnyuk Daria — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Lecturer, Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics» (dprisyzhnyuk@hse.ru).

Вербилович Ольга Евгеньевна — аспирант департамента социологии, сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (verbilovich.olga@gmail.com).

Verbilovich Olga — Postgraduate Student, Department of Sociology, Fellow Worker, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University «Higher School of Economics» (verbilovich.olga@gmail.com).

стороны приемной семьи — социальная незащищенность родителей, сохранение негативных стереотипов о приемной семье в публичной сфере, риски социального выгорания, а также ресурсы поддержки приемной семьи.

Ключевые слова: *приемная семья, деинституционализация, детское благополучие.*

В этой статье мы представим мнения экспертов о приемной семье как важнейшей форме устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Вначале мы приведем краткий обзор зарубежных источников по оценке детского благополучия, расскажем об основных критериях, по которым проводится оценивание роли различных форм устройства в жизни детей. Далее мы перейдем к российскому контексту, обрисует общую ситуацию в сфере социальной заботы о детях-сиротах, приведем ряд ключевых показателей процессов деинституционализации этой заботы и остановимся на особенностях публичного дискурса по этой проблеме. Затем мы обсудим российские методики по оценке семейных форм устройства, после чего остановимся на результатах анализа тридцати трех интервью с экспертами, имеющими большие познания и опыт в области устройства детей-сирот, сформулируем выводы о существующих проблемах и возможных ресурсах поддержки приемной семьи.

Измерение эффектов различных форм устройства по показателям детского благополучия*

Деинституционализация сиротства началась в США и Западной Европе в 1960–1970-х годах (Reid 1975), в 1990-х годах этот процесс захватил и страны Восточной Европы (Schmidt, Bailey 2014: 53–75). Наряду с реформами в сфере защиты материнства и детства наблюдалась и интенсификация исследований этой проблематики. Начиная с 1970-х годов ученые тестировали условия и эффекты альтернативных форм устройства детей-сирот на материалах сравнительных исследований. Представления о ключевых критериях успешности той или иной формы устройства детей-сирот развивались в русле концепции детского благополучия. В связи с этим эксперты разрабатывают критерии, по которым возможно оценить содержание понятия детского благополучия разных категорий детей, в том числе сирот. Одной из наиболее авторитетных сегодня является система критериев оценки, разработанная Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ): материальное благополучие, состояние здоровья и защищенность, образование, отношения в семье и со сверстниками, поведение и риски, субъективное восприятие благополучия самими детьми (Проблема детской бедности... 2007). Эти критерии были положены в основу многих европейских и североамериканских исследований по оценке результатов социализации

---

* В разделе использованы материалы отчета «Возможности и ограничения различных форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в достижении их максимальной социальной адаптации», подготовленные с участием П.В. Романова.

детей-сирот в разных формах устройства. С учетом концепции детского благополучия (Ярская-Смирнова и другие 2014: 72–98) можно сгруппировать все критерии, используемые в зарубежных исследованиях, следующим образом: 1) взрослая самодостаточность (включая образовательные достижения и интеллектуальные способности, занятость и экономическая устойчивость, жилищные условия, статус проживания), 2) поведенческая приспособленность (в т.ч. криминальное поведение, зависимость от алкоголя и наркотиков), 3) семья и отношения с системой социальной поддержки (в т.ч. стабильность брака, родительские качества, друзья), 4) ощущение благополучия (в т.ч. умственное и психическое здоровье и благополучие и удовлетворенность жизнью). Рассмотрим несколько примеров таких исследований.

Ученые установили, что уровень образования у тех, кто жил в фостерных семьях, был в среднем ниже, чем у других детей из той же местности, достижения в школе — средние (см., напр.: Barth 1990: 419–440). При этом дети, которые воспитывались в семьях индивидуально, чаще оканчивали школу, чем те, кто воспитывался в условиях группы (в учреждениях или в семьях). Исследователи пришли к выводу о том, что большинство воспитанников фостерных семей стали экономически самодостаточными взрослыми.

В проекте Д. Фэншела и Ю. Шинна (Fanshel, Shinn 1978) оценивалась поведенческая приспособленность детей, проявляемая, в частности, в сфере конфликтов с законом. Это и другие сходные зарубежные исследования показали, что хотя уровень арестов оказался несколько выше, чем в среднем у населения, но он примерно такой же, если его контролировать по расе и экономическому статусу. При этом те, кто воспитывался в фостерной семье, реже нарушают закон, чем те, кто жил в группах и учреждениях.

Еще один критерий детского благополучия связан со сформированностью навыков привязанности, семейных и социальных связей. В лонгитюдном исследовании Квинтона, Рэтта и Лиддла (Quinton, Rutter, Liddle 1984), проведенного в Великобритании, на данных интервью изучался общий стиль родительства, эффективность и последовательность контроля, родительская чувствительность к потребностям детей, теплота и критицизм в отношении детей. Данные этого исследования показали, что у воспитанниц учреждений могут возникать проблемы при формировании устойчивых форм совместного проживания, родительства, установлении дружеских связей. Риск усиливается, если ребенок был передан на воспитание из учреждения в семью в более старшем возрасте, имел социальные или поведенческие проблемы, воспитывался в условиях группы, а также имел контакты с проблемной биологической семьей. Исследования показали, что риски снижаются при размещении в стабильных семейных условиях и при усыновлении.

В проекте Джоунса и Мозеса (Jones, Moses 1984) было выявлено, что воспитывавшиеся в группах показывают более низкие уровни удовлетворенности жизнью, самооценки, менее счастливы, чем те, кто воспитывался в фостерных семьях с одним-двумя детьми. И все же в целом эти дети удовлетворены жизнью примерно так же, как и те, кто в детстве не был разъединен с семьей.

С одной стороны, как показывают зарубежные исследования, дети, воспитывающиеся в семьях, более успешны во взрослой жизни и ощущают себя бо-

лее благополучными. С другой стороны, такие результаты могут отчасти объясняться и тем, что детей с проблемами здоровья или развития труднее определить в формы семейного устройства, поэтому они остаются в учреждениях и их ситуация лишь усугубляется. Кроме того, исследования показывают, что дети, испытавшие жестокое обращение и пренебрежение со стороны родителей или других близких взрослых, даже после помещения в приемную семью имеют худшие результаты, чем те, кто оказался в замещающей семье по причине смерти, болезни, ареста или заключения родителей. Дети, которых меньше передавали из одного места в другое, также демонстрируют лучшие результаты в обследованиях. Зарубежные исследования показывают, что усыновление — лучшая альтернатива, чем долгосрочная фостерная семья. Но если усыновление по каким-либо причинам не представляется возможным, то наилучшим вариантом для ребенка становится замещающая семья с долговременным проживанием.

Деинституционализация сиротства в российском публичном дискурсе

Проблема устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является одной из важнейших задач социальной политики современной России. Одна из ключевых реформ сегодня — это деинституционализация сиротства (Зайцева 2010: 99), которую мы понимаем в широком смысле — не только как снижение числа детей-сирот в институциональных учреждениях и устройство их в семью, а и как изменение всей системы организации социальной политики, направленное на профилактику сиротства и адресный, индивидуальный подход к поиску оптимальной формы устройства для ребенка. На решение этой задачи направлены меры по совершенствованию законодательства, повышению квалификации сотрудников органов опеки, работа по сопровождению семей и профессионализации деятельности приемных родителей.

Отметим, что статус приемных, или фостерных, семей был легитимизирован в России в 1996 г. (постановление Правительства РФ от 17.07.96). Количество приемных семей в России особенно стало расти после 2006 г., когда государство ввело для них особые меры финансовой поддержки (постановление Правительства Москвы от 21.11.2006). Согласно Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (Национальная стратегия... 2012), среди приоритетных направлений социальной политики — ориентация на семейные формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, их возврат в кровную семью, адаптация и подготовка воспитанников интернатных учреждений к самостоятельной жизни. Доля таких детей устойчиво росла с начала 1990-х и в первое десятилетие 2000-х годов в общей численности детского населения страны. Этот показатель начал снижаться с 2010 г. (Об экономических последствиях... 2014). При этом у большинства (более 80 %) выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, живы один или оба родителя, которые по каким-то причинам не могут выполнять свои функции. Во многих случаях при наличии ресурсов, включая профессиональную социальную работу с семьей, у таких родителей и детей вполне могли бы быть шансы жить вместе.

Исследования указывают на лакуны в политике охраны детства: недостаточная гибкость законодательства применительно к формам устройства детей,

ведомственные конъюнктурные и местнические предпочтения той или иной формы устройства детей, дисперсность политики, которая сводится к управлению «подведомственными учреждениями», нечеткая роль органов опеки и попечительства в вопросе контроля за соблюдением прав и законных интересов таких детей, пробелы в обеспечении мониторинга ситуации каждого ребенка, недостаточная помощь лицам, осуществляющим содержание и воспитание приемных детей, непрозрачность системы интернатного воспитания для контроля общества, неспособность государственных учреждений организовать партнерские отношения с негосударственным сектором (Ефименко 2002; Володина, Матяш, Сидорина 2012). Трансформация системы проходит болезненно и, несмотря на благие намерения, порой наносит серьезный урон, например в случаях закрытия малокомплектных детских домов и перевода детей в другие учреждения, где персонал не всегда оказывается готовым к адаптации новых воспитанников, переживающих еще одну травму.

Ученые указывают на проблемы правового регулирования профилактики, работы с кризисной и посткризисной ситуацией в семье (Шмидт 2009: 151–174; Зайцев, Зайцева 2009: 64–77). Именно такую работу вела служба социального патроната Центра патронатного воспитания, существовавшего при детском доме № 19 с 1996 г. до 2008 г., однако практика патроната была упразднена законом об опеке и попечительстве (Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» 2008 г.), что вызвало критику со стороны экспертного сообщества (Правозащитники требуют... 2008). Профилактическую работу ведет Благотворительный фонд «Отказники.ру», помогающий продержаться семьям, попавшим в сложные жизненные обстоятельства. Благодаря такой помощи семья выходит из критических ситуаций, и дети остаются с родителями (Профилактика социального сиротства 2013).

В последнее десятилетие быстро сокращается число интернатных учреждений и растет количество семей, желающих принять ребенка-сироту. В числе таких форм — приемная семья как одна из форм возмездной опеки (Об экономических последствиях... 2014). Благодаря новой нормативной базе (О некоторых мерах по реализации... 2012), приемному ребенку гарантируется определенный уровень благосостояния за счет государства. Согласно статистическим данным, число таких семей возросло более чем в полтора раза с середины 2000-х годов. С каждым годом все больше детей органы опеки передают в семейные формы устройства: на конец 2013 г. 78 % всех детей, оставшихся без попечения родителей, находились на воспитании в семье (Об экономических последствиях... 2014). А в 2014 г. впервые за последние годы число детей, устроенных за год в семьи, на 3,8 % превысило число выявленных детей, оставшихся без попечения родителей (Усыновление в России 2014).

Таким изменениям способствуют и меры социальной политики, и сдвиги в общественном сознании россиян. Согласно опросам, в 2013 г. помимо традиционных 4 % населения, которые, как правило, выражают твердую готовность принять в семью ребенка, можно отметить 16 % граждан, гипотетически рассматривающих для себя такую возможность (Лишь 4 % россиян... 2013). Россияне все чаще видят приемную семью как более благоприятную среду для развития и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,

в том числе с проблемами здоровья. Российская или иностранная приемная семья была названа приоритетной формой устройства детей с тяжелыми заболеваниями 54 % россиян (Россияне о сиротах и законе... 2013).

Публичный дискурс наполняется положительными репрезентациями семьи в целом и практик усыновления в частности. Этому в немалой степени способствует социальная реклама, а также массовая теле- и киноиндустрия. Как отмечают специалисты, социальная реклама, посвященная теме поддержки семьи, родительства и детства, сегодня в России все чаще обращается к позитивным образам, уходит от способов «шоковой терапии» (Зыгалова, Зубова 2012: 280–285). Новые сообщения транслируют в публичном дискурсе более конструктивные и позитивные образы в противовес дискурсу «жалости» и «чувства вины» (Астоянц 2006: 475–500), например как в социальной рекламе АНО «Агентство социальной информации», созданной в рамках кампании «Найди меня, мама!» с 2006 по 2014 г. для такой целевой аудитории, как потенциальные приемные родители, социальное окружение замещающих семей, специалисты органов опеки, государственных структур. Ролики со слоганом «Приемный ребенок может стать родным» транслировались на федеральных каналах, размещались на мониторах торговых сетей, в аэропортах России, бизнес-центрах, метро и на остановках общественного транспорта.

Тем не менее медийные образы детей-сирот и замещающего родительства, как правило, наполнены мифами и стереотипами (Усыновление детей-сирот тормозится... 2015). Замещающий родитель подчас предстает в СМИ как «шабашник», «корыстный» благополучатель, а ребенок-сирота как «Другой» несет угрозу «правильному», «ответственному» родителю, естественному продолжению его «Я». Среди основных причин называются «плохая» наследственность, финансовая нестабильность, общественные стереотипы, несоблюдения тайны усыновления.

Однако мы можем наблюдать и тенденцию к преодолению подобных мифов об усыновлении и развитие идеи социального партнерства в решении проблем замещающих семей. Примером может служить проект фонда «Измени одну жизнь», в ходе которого российские режиссеры сняли десять короткометражных фильмов о детях, ожидающих своих приемных родителей в интернатах. Фильмы, транслирующиеся по тематическому телеканалу «Мама», были показаны в нескольких столичных кинотеатрах (см.: Измени одну жизнь). Отметим, что видеоистории обращают внимание на так называемые «проблемные» категории — дети, которые, как правило, остаются в интернатах или возвращаются после усыновления, — мальчики-подростки, братья и сестры (сиблинги). Не у всех сирот одинаковые шансы попасть в замещающую семью. Среди тех категорий детей, которые чаще остаются в интернатах, особо сложное положение занимают дети с инвалидностью. Традиционно эта категория детей находится в рамках дискурса «благотворительности», «жалости» и «жертвы», возникает в сюжетах мрачных журналистских историй. Такие репрезентации можно отнести к «манипулятивной» или «деформированной» публичной сфере (Habermas 1991: 247–248). В таких дискуссиях социальные проблемы эксплуатируются медиа для решения коммерческих задач и прибавки в рейтингах. Публике предлагаются простые и однобокие стереотипы и клише («такие

дети рождаются в неблагополучных семьях», «они труднообучаемы», «не приносят пользу обществу»), которые нивелируют потенциал гражданского участия и усиливают социальное исключение людей с инвалидностью.

Проблема состоит еще и в неадаптированности содержания официальных документов, информации по проблеме для различных аудиторий (Независимая экспертиза сайтов...): потенциальных или реальных замещающих семей, релевантной аудитории специалистов, граждан, заинтересовавшихся проблемами замещающих семей. Тем не менее в последние годы все чаще звучат голоса «критической» публичной сферы (Habermas 1991: 247–248): дискуссии представителей разного уровня принятия решений, обсуждение способов решения проблем, просвещение аудитории и уход от стереотипов. Так, зритель может услышать о проблемах приемных семей и детей-сирот из уст самих приемных родителей (телемарафон «До свидания, детский дом», телеканал «Дождь», эфир 01.06.2013), получить комплексную информацию из ТВ-дискуссии с различными точками зрения на специфику fosterных семей и других форм семейного устройства («Право голоса», телеканал «ТВ Центр», эфир 25.07.2014). В таких дискуссиях помимо представителей профессионального сообщества нередко участвуют и сами выпускники интернатов, воспитанники приемных семей, приемные родители, меняя «обезличенную» риторику дискурса, «вскрывая» глубокие структурные проблемы системы, наполняя публичный дискурс «историями успеха», примерами ответственного родительства и в целом толерантными установками по отношению к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

В том числе и благодаря этим дискуссиям в последние годы можно наблюдать некоторые продвижения в работе с детьми с инвалидностью. Согласно официальной статистике, наблюдается увеличение числа детей с инвалидностью, переданных на воспитание в семейные формы устройства: с 333 в 2012 г. до 870 в 2014 г. (Усыновление в России 2014). В блогах и новостных публикациях приемные родители и усыновители, воспитывающие детей с инвалидностью, нередко отмечают, что на решение взять ребенка в семью повлияла телевизионная передача, публикация в СМИ или открытая дискуссия. Кроме того, общественные организации обращаются к понятию «качество жизни» детей-сирот с инвалидностью и реализуют соответствующие программы по его улучшению (Салтыкова и др. 2012). В марте 2015 г. православная служба помощи «Милосердие» открыла первый в России негосударственный детский дом для детей с тяжелыми множественными нарушениями развития (Служба помощи... 2015). Среди ключевых идей работы детского дома — активный подход к развитию детей с возможностью устройства их в семью либо долговременное проживание в этом учреждении (без перемещения в психоневрологический интернат по достижении 18 лет). Другими инициаторами в этой области выступают негосударственные фонды, общественные организации как в столице, так и в регионах. В Новосибирске проект «Дома лучше» Благотворительного фонда «Солнечный город» (Ноздрячева 2015) сохраняет за ребенком право пережить трудную жизненную ситуацию в замещающей семье, препятствуя институционализации с негативными последствиями для психики и социализации ребенка.

Официальный дискурс проблемы социального сиротства в России противоречив (Ежова, Порецкина 2004: 203–226). Изменения нормативно-правовой базы порой подвергаются серьезной критике как со стороны стихийно складывающихся («слабых») публик (Fraser 1990: 74–77), так и формирующихся сверху вниз институтов общественной экспертизы, оценки и контроля в социальной сфере (О мероприятиях по реализации государственной социальной политики 2012; О системе публичного мониторинга социальных услуг 2012).

Рассмотренные ракурсы публичных дискурсов о проблеме социального сиротства указывают на сохранение устойчивой риторики «нежелательности», жалости и жертвы, однако демонстрируют и альтернативные подходы к решению проблем, привнесенные в дискуссию профессиональным сообществом и гражданскими инициативами, официальным курсом на деинституционализацию. Общественный интерес не только инициирует обсуждение проблем и поиск решений, но и поднимает вопрос оценки сложившейся системы работы, предпринимаемых действий и инициатив.

Как оценивать семейные формы устройства: российский опыт

Публичный дискурс в последние десятилетия направляется принципами нового публичного менеджмента. Это означает, что программные документы национальной социальной политики теперь создаются в соответствии с проектной структурой, с использованием программно-целевого подхода, содержат стратегические цели, основные направления их реализации, тактические задачи и конкретные меры их выполнения, а главное — индикаторы достижения целей. Вместе с тем не все показатели на деле оказываются разработанными на инструментальном уровне, а ожидаемые результаты могут формулироваться в размытых терминах (Romanov 2008: 9–53).

На этом фоне все более востребованной становится идея разработать систему оценки проектов и программ в сфере детства, причем акторами социальной политики и авторами идеи нередко выступают негосударственные благотворительные фонды (см.: Общие принципы в оценке; Влияние и роль донорских; Фонд поддержки детей 2013). Основной целью такого мониторинга выступает оценка процесса и промежуточных результатов для возможной корректировки осуществляемых мер, а также представление информации заинтересованной аудитории. Прозрачность и подотчетность постепенно становятся ключевыми принципами публичной политики, в том числе и в сфере детства.

Усилия, направленные на оценку положения детей, сопряжены с поиском понятий, которые могли бы адекватно определять результативность мер социальной политики в удовлетворении важнейших потребностей детей. В публичном дискурсе современной России распространено понятие «неблагополучная семья». Нередко оно становится медийным клише для запугивания публики и перетекает в повседневное употребление как инструмент деления окружающих на «своих» и «чужих», «нормальных» и «ненормальных» (Ярская-Смирнова и др. 2014). Еще одна категория, активно используемая в публичном дискурсе, — это «социально опасное положение». Но чтобы оценить, насколько опасным является положение семьи и ребенка, необходимо разработать систему показателей данного явления, причем делать это следует с учетом интересов

ребенка, а не системы. Ведь трактовка, например, малообеспеченности в качестве фактора социальной опасности при дефиците систем помощи и поддержки может увеличивать социальную опасность для семьи и ребенка, исходящую от контролирующих органов (Социально опасное положение... 2015: 60). В российском лексиконе социальной защиты распространен термин «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации». Эта категория размыта и слабо пригодна для целей оценивания. Используются термины «особое детство», «дети системы», но это скорее метафоры, а не инструментарий оценки.

Одним из работоспособных понятий в нормативно-правовом и научном дискурсах в мире выступает «детское благополучие» (*child well-being*), напрямую связанное с понятиями прав и потребностей ребенка. Это понятие сегодня используется в национальных и межстрановых мониторингах, включая комплекс параметров благополучия ребенка. Среди этих параметров — состояние здоровья и возможности для полноценного физического, умственного и эмоционального созревания, наличие такой дружественной детям социальной среды, которая способствовала бы их росту и развитию, поощряла самовыражение, творчество и ответственность.

Современная социальная политика отдает приоритет семейным формам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако в отношении детей-сирот, замещающих семей и структур их поддержки наблюдается рассогласование между юридическими нормами и практическими действиями, что порождает недоверие потенциальных замещающих родителей и населения в целом к институту приемной семьи (Ежова, Порецкина 2004: 203–226). Кроме того, семейные формы устройства менее «прозрачны» и в большей степени закрыты для мониторинга и оценки эффективности специалистами. Как же оценивается приемная семья в современной России? Обсудим этот вопрос в следующем разделе.

Приемная семья в России: перспектива детского благополучия

Здесь речь пойдет об основных рисках и преимуществах приемной семьи в современной России. Исследование, по результатам которого подготовлен этот раздел, было проведено в 2013 г. и посвящено анализу рисков и преимуществ различных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Всего было проведено 33 полуструктурированных интервью с экспертами в области сиротства: специалистами некоммерческих организаций, органов опеки и попечительства, руководителями институциональных учреждений для детей-сирот, приемными родителями, а также «выпускниками» различных форм устройства детей-сирот. В ходе беседы с информантами обсуждались вопросы результативности и эффективности различных форм устройства, в частности приемной семьи (Семейное устройство в России 2014: 181–226).

Наши информанты в целом позитивно оценивали перспективу приемной семьи справляться с задачей по воспитанию детей-сирот. Между тем критерии, из которых исходили информанты при формировании своих оценок, различались. Мы выделили четыре лейтмотива относительно результатов воспитания детей-сирот в приемных семьях. Первые три из них в той или иной степени от-

носятся к идее о прохождении «выпускником» приемной семьи нормативного жизненного пути. Речь шла о том, что ожидает ребенка в приемной семье, каковы будут его шансы на экономическое, социальное или эмоциональное благополучие, насколько ребенку, выросшему в приемной семье, удастся встроиться в общество, выстраивать близкие и доверительные отношения с другими людьми. В отличие от этих показателей, которые в той или иной мере «нормативны», четвертый лейтмотив предполагает отказ от такой категории, как нормативный жизненный сценарий. В данном случае в оценке формы устройства учитывается субъективная удовлетворенность жизнью и ощущение счастья «выпускников» приемных семей. Обсудим эти вопросы подробно, опираясь на интервью с экспертами.

Самодостаточность

Благополучие ребенка оценивается через успешное прохождение им нормативного жизненного пути с упором на самостоятельность. С точки зрения одного из наших информантов, приемная семья успешно справляется с задачей *«вырастить в нем... внутренний стержень, то есть то, на что он будет опираться потом в самостоятельной жизни»* (интервью 2: приемный родитель). Эта внутренняя опора позволяет молодому взрослому, «выпускнику» замещающей семьи, жить самостоятельно: искать работу, обзаводиться жильем, строить планы на жизнь. О положительных результатах социализации детей в приемных семьях говорят и другие информанты, которые понимают результат этой формы устройства детей-сирот как воспитание ответственности, самостоятельности, финансовой независимости ребенка.

Не все эксперты согласны с оценкой результатов воспитания в приемных семьях по этому критерию. Некоторые проблематизируют его: они не уверены в том, что родитель может успеть сформировать определенные установки и паттерны поведения у ребенка за время его пребывания в семье, в особенности когда речь идет о подростках и о временном размещении детей в замещающую семью.

Поведенческая приспособленность

Еще один критерий эффективности приемной семьи как формы устройства связан с аспектами поведенческой приспособленности воспитанника. Некоторые наши информанты, придерживающиеся логики этого подхода, упоминали риски асоциального, суицидального поведения, социального исключения: *Самое главное, чтобы он не был каким-то там, не вырос убийцей. Или всякие уголовники, наркоманы* (интервью 26: выпускник деревни SOS).

Вместе с тем другие информанты утверждали, что этот показатель едва ли можно использовать в качестве самостоятельного критерия эффективности приемной семьи, и его следует рассматривать лишь в совокупности с другими: *Работают — не работают, окончили [ли] институт или даже пьют — не пьют — тут очень много факторов, которые в том числе зависят от общей ситуации в стране и от случайных обстоятельств* (интервью 6: специалист НКО, работающий с замещающими семьями).

Общество, согласно этой группе экспертов, выдвигает завышенные требования к приемной семье, ожидая быстрых результатов по нормализации пове-

дения детей. Однако добиться социально-приемлемого поведения ребенка в короткие сроки не всегда удастся. Кроме того, контроль приемных семей, как подчеркивает один из информантов, вообще не должен осуществляться по поведенческим проявлениям, необходимо оценивать меняющиеся ценности, установки, смотреть на поведение ребенка в динамике.

Эксперты разделились во мнениях относительно эффективности приемной семьи в качестве формы устройства детей-сирот с трудным поведением. Некоторые из наших экспертов полагают, что приемная семья хорошо справляется с задачей нормализации поведения таких детей. Хотя подросткам с асоциальным поведением сложно принять новую семью, но и интернатные учреждения не создадут того реабилитирующего пространства, в котором они нуждаются. И в этом случае оптимальным вариантом становятся такие временные формы устройства, как приемная семья, которая в достаточной степени подготовлена к работе с подростками. Психологическая поддержка со стороны родителей и специалистов также способна снизить поведенческие риски у детей. Однако ввиду высокой загруженности специалистов таких центров, которые одновременно ведут работу в направлениях подготовки приемных родителей, профилактики сиротства, сопровождения выпускников, некоторые направления работы этих служб могут быть реализованы недостаточно эффективно. Достраивают систему поддержки некоммерческие организации, обладающие необходимыми человеческими ресурсами, и неформальные ассоциации приемных родителей (Профилактика социального сиротства 2013).

Другая точка зрения основана на том, что приемная семья, даже с учетом поддержки со стороны организаций, не является панацеей. В некоторых особо трудных случаях подобрать замещающую семью будет проблематично: *Например, потеря семьи произошла лет в 15 с какими-то тягчающими вариантами, возможно с опытом насилия, преступления и прочее. Есть вероятность, что некие институциональные формы [для такого подростка] возможны* (интервью 8: приемный родитель, руководитель общественной организации).

Вместе с тем, по мнению отдельных информантов, как раз в столь травмирующих обстоятельствах наряду с профессиональной помощью существенную роль могла бы сыграть неформальная забота в замещающей семье. Однако ввиду неразвитости в России института приемных семей, в том числе профессиональных, подобные ситуации нередко оказываются неразрешимыми, и ребенка направляют в учреждение. Таким образом, следует говорить о неэффективности сложившейся системы, а не формы устройства.

Семья и отношения

Несколько наших экспертов указывают на значительные преимущества приемной семьи по сравнению с другими семейными формами устройства. Приемная семья дает ребенку опыт жизни в естественных условиях «обычной» семьи, где есть родители и дети, распределение домашних обязанностей, семейные ценности и нормы. При этом приемные родители, прошедшие специальную подготовку и сотрудничающие с помогающими организациями, способны работать над решением конкретной задачи. Например, над упрочением конструктивных социальных связей, ростом взаимопонимания и доверия меж-

ду ребенком и взрослыми или над воссоединением с кровной семьей. Однако конструктивное сотрудничество приемной и кровной семей — это пока большая редкость в России.

Еще одна проблема достижения детского благополучия — это размещение сиблингов в приемной семье. С одной стороны, для процесса социализации ребенка важно поддержание отношений с кровными родственниками, и, согласно мнениям некоторых информантов, это выступает в качестве критерия эффективности формы устройства. Причем именно у приемной семьи по сравнению с другими формами семейного устройства больше ресурсов для воспитания сразу нескольких братьев и сестер. С другой стороны, это может вести к серьезным рискам для самой семьи, затруднять создание реабилитирующего пространства: *И они могут принести в семью их совместный травматический опыт <...> [Можно] предусмотреть, допустим, разделение детей по разным семьям, чтобы они имели возможность общаться* (интервью 2: родитель-воспитатель детского дома семейного типа).

Ощущение благополучия и самореализация личности

Четвертый параметр эффективности приемной семьи — это уровень физического и психического здоровья ребенка, а также субъективное ощущение благополучия, счастья: *Это нормальная жизнь в обществе и удовлетворенность этой жизнью. Реализация потенциала, который существует и минимизация последствий от тех травм, которые были* (интервью 5: специалист НКО, работающий с замещающими семьями).

Но, как полагают наши информанты, уровень образования и профессия не всегда могут выступать в качестве критериев успешной социализации детей именно в приемной семье, поскольку невозможно учесть все факторы, определившие получение ребенком, например, того или иного уровня образования. При этом, с их точки зрения, важно, чтобы соблюдалось соответствие между стремлениями человека и его достижениями.

Согласно одной из точек зрения, приемная семья обладает существенными преимуществами по отношению к социализации детей, нуждающихся в особом уходе. Это становится возможным за счет профессионализации приемного родительства. Некоторые семьи в ходе обучения получают, образно говоря, «специализацию», позволяющую им наиболее полно реализовать потребности тех или иных категорий детей.

В России сегодня уже есть такие приемные семьи, которые берут на воспитание исключительно детей с инвалидностью: *Но представляете, какое профессиональное чутье, осознанность и ответственность должны быть у этого родителя, чтобы поднимать этого ребенка-инвалида <...> Здесь не просто профессиональные родители, а с высочайшим уровнем профессионализма, которые способны очень здраво и честно смотреть на многие вещи* (интервью 14: специалист НКО, работающий с замещающими семьями).

Обратная сторона медали такой «специализации» связана с риском социального выгорания: *Работа профессионального замещающего родителя — это работа на износ* (интервью 2: профессиональный замещающий родитель). В некоторых европейских странах приемные родители, воспитывающие особых

детей, имеют возможность передать их на воспитание в другую семью и взять краткий отпуск, чтобы восстановить силы. Приемные родители в России не могут претендовать на такой отпуск.

Проблема профессионализации приемного родительства стоит сегодня на повестке дня. В соответствии с обновленной нормативной базой (Федеральный закон 2011) как потенциальные усыновители, так и будущие приемные родители должны пройти специальные курсы в муниципальных или некоммерческих организациях, которые становятся проводниками профессионализации. Сами приемные родители начинают себя ощущать более подготовленными в различных вопросах адаптации сирот, в том числе информированными о возможностях получения профессиональной поддержки. Одновременно процессы профессионализации идут в системах опеки, образования, здравоохранения. Для специалистов опеки разработан и принят в декабре 2013 г. профессиональный стандарт, в котором приемные родители помещены в фокус контроля. Но на практике родители ощущают недостаток поддержки, пытаясь восполнить его ресурсами социальных сетей, некоторые сами становятся лидерами неформальных групп самопомощи, предоставляя друг другу информацию, оказывая эмоциональную поддержку. И все же многим не хватает юридической помощи и ресурсов по формированию навыков приемного родительства.

Некоторые наши эксперты приветствуют этот тренд к профессионализации, настаивают на статусе занятости с соответствующими записями в трудовой книжке. Они делают акцент на приоритете профессиональной позиции над чувствами привязанности и другими «естественными» чертами семейной жизни. Другие информанты не разделяют это мнение, ставя на первое место приверженность и эмоции, а также ожидая высокий кредит доверия к себе со стороны общества.

Преимущества в отношении воспитания детей, у которых есть проблемы с физическим и психическим здоровьем, с точки зрения экспертов появляются у приемной семьи также благодаря дополнительным материальным ресурсам, предоставленным государством, и сети поддерживающих институтов, оказывающих содействие в обучении и психологическую помощь детям и семьям. Опрошенные полагают, что детям с инвалидностью подойдет семейное устройство с возможностью посещать специализированные институциональные учреждения: *Иногда для семьи это дорого <...> ну те же самые вертикализаторы, или что-то что еще нужно для [ребенка с] ДЦП, — [это] есть в не каждой семье. Но тем не менее оставьте дома ребенка, но сделайте центр поддержки таких детей, ну типа санатория, где они будут проходить вот эту вот реабилитационную программу* (интервью 2: родитель-воспитатель детского дома семейного типа).

В данном случае речь идет о временном пребывании ребенка в реабилитационном учреждении с сохранением семейной формы устройства детей-сирот, предпочтительно — приемной семьи.

Субъективное ощущение благополучия предполагает сохранение идентичности, ценностей. В этом смысле поддержание субъективного ощущения благополучия у детей из числа различных этнических групп может быть проблематичным, если родственная опека и подбор этнически близкой семьи ограничены для этой категории детей. Именно поэтому приемная семья, с точки зрения

информантов, оказывается оптимальной формой устройства таких детей, поскольку профессиональные приемные родители обладают высокой степенью толерантности к различным культурным традициям.

Риски приемной семьи в отношении поддержания благополучия сирот упоминаются в интервью, когда речь заходит о детях, переживших сильные психологические травмы: *Я знаю, что есть ситуации, когда ребенку нужен режим, нужен контроль. Уверена, что сильная травма психологическая, связанная с домашним насилием, или еще чем-то — это не показатель для быстрого входа в семью* (интервью 1: исследователь).

Некоторые эксперты высказывают озабоченность по поводу благополучия ребенка, пережившего травму и переданного на воспитание в приемную семью. Временный характер этой формы устройства в данном случае может нести риски, когда за короткое время приемным родителям не удастся сформировать открытые и доверительные отношения с ребенком.

* * *

В сентябре 2015 г. вступило в силу постановление Правительства РФ № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (О деятельности организаций... 2014). В истории социальной заботы о детях наступает новый период. Система социальной изоляции детей, лишенных родительского попечения, а также детей с особенностями развития, которые обучались в специализированных интернатах, уходит в прошлое. Учреждения будут преобразованы так, чтобы максимально приблизить условия жизни и воспитания детей к семейным, а работе с кровной семьей и поиску замещающей семьи будет уделяться максимальное внимание, чтобы ребенок как можно меньше времени провел в детском доме или интернате.

Несмотря на разные подходы к оценке результативности приемной семьи, эксперты в целом отмечают преимущества этой формы устройства детей-сирот. Приемная семья позволяет разделить ответственность по социализации и воспитанию ребенка с сообществом профессионалов, органами опеки и государством. Ребенок, попадающий в семью, имеет больше шансов, чем воспитанник учреждения, добиться успеха в жизни, стать самостоятельным, получить образование и профессию, создать собственную семью по примеру семьи, в которую его приняли. Кроме того, приемному ребенку, в отличие от усыновленного, гарантирован определенный уровень благосостояния и ряд преимуществ за счет финансовой поддержки государства и региональных бюджетов. Такие формы выступают существенным ресурсом как «временный» этап для детей в сложной жизненной ситуации, детей с инвалидностью, сирот, транслирующих девиантное поведение, подростков.

По мнению многих экспертов, задача профессиональной семьи — социализировать ребенка в тех случаях, когда с этим не могут справиться кровные родители, уметь работать с самыми разными категориями детей. При этом зачастую происходит «профилизация» или специализация родителей — с опытом они начинают понимать, с какой категорией детей они могут работать успешно и добиться хороших результатов. Наиболее дискуссионными оказываются во-

просы о размещении в приемные семьи некоторых категорий детей с инвалидностью, переживших травму и насилие, подростков. Среди ключевых уязвимых сторон профессиональной замещающей семьи эксперты выделяют, во-первых, риски социального выгорания, временный характер пребывания ребенка, который не позволяет сформировать открытые и полностью доверительные отношения с родителями, чрезмерное увеличение размера семьи за счет роста числа приемных детей. В числе негативных контекстуальных факторов, затрудняющих развитие института приемных родителей, — пробелы в нормативно-правовой базе, незакрепленность прав и обязанностей профессиональных родителей, их социальная незащищенность, устойчивость общественных стереотипов, которые подкрепляются медийными образами приемных родителей как «благополучателей», и детей-сирот как «нежелательных» и девиантных. Альтернативная риторика публичного дискурса, которую пытаются развивать общественные инициативы и социально-ответственные СМИ, должна быть направлена в том числе и на поддержание положительных примеров социализации ребенка-сироты профессиональными родителями.

Литература

Астоянц М.С. Политический дискурс о сиротстве в советский и постсоветский период: социальная интеграция или социальное исключение? // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 4 (4). С. 475–500.

Володина Ю.А., Матяш Н.В., Сидорина М.С. Деинституционализация детей-сирот в открытом социокультурном пространстве. М.: Педагогическое общество России, 2012.

Ежова Л.В., Порецкина Е.М. Деинституционализация воспитания детей-сирот: российский дискурс и практика // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 2 (2). С. 203–226.

Ефименко А.П. Основные направления реформирования законодательства РФ в сфере защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Тасис-проект «Партнерство в Российской Федерации». Пермь: Пермский региональный правозащитный центр, 2002. URL: www.pgrc.ru/library/ref_03/ (дата обращения: 10.08.2015).

Зайцева Н. Деинституционализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в контексте социальной политики в г. Москве // Власть. 2010. № 12.

Зыгалова А.В., Зубова О.Г. Эффективность социальной рекламы как фактора формирования благотворительного поведения: фокус-групповое исследование на примере Астраханского региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 280–285.

Лишь 4 % россиян готовы взять приемного ребенка // РБК. 28.07.2009. URL: <http://top.rbc.ru/society/28/07/2009/318414.shtml> (дата обращения: 20.07.2015).

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053052055.html> (дата обращения: 15.08.2015).

Независимая экспертиза сайтов, посвященных семейному устройству сирот. URL: <http://www.fond-detyam.ru/rejting-saytov-po-usynovleniyu/> (дата обращения: 22.07.2015).

Об экономических последствиях текущей ситуации в сфере социального сиротства. Аналитический доклад. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

Федерации. 2014. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4542.pdf> (дата обращения: 12.08.2015).

Постановление Правительства РФ от 17.07.96 № 829 (ред. от 18.08.2008) «О приемной семье». URL: <http://zakonbase.ru/content/base/68481/> (дата обращения: 10.08.2015).

Федеральный закон от 30.11.2011 № 351-ФЗ «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.rg.ru/2011/12/02/gk-dok.html> (дата обращения: 10.08.2015).

Постановление Правительства Москвы от 21.11.2006 № 928-ПП «О Комплексной программе дополнительных мер по поддержке семей с детьми, созданию благоприятных условий развития семейных форм воспитания и становления личности ребенка на 2007 год». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/286377/#ixzz3x26bmlvJ>.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей». URL: <http://www.rg.ru/2014/05/27/detdom-site-dok.html> (дата обращения: 10.08.2015).

Правозащитники требуют остановить принятие закона «Об опеке и попечительстве» // Мошкин М. «Время новостей». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/gazeta01.php> (дата обращения: 10.09.2015).

Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах: Доклад Исследовательского центра «Инноченти». Вып. 7. Флоренция: Исследовательский центр ЮНИСЕФ. «Инноченти», 2007.

Профилактика социального сиротства // Годовой отчет Благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», 2013. URL: http://www.otkazniki.ru/files/A4_all_sm.pdf (дата обращения: 22.07.2015).

«Россия и Запад: друзья? враги?» // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2761. 28.01.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115130> (дата обращения: 22.07.2015).

Россияне о сиротах и законе, запрещающем их усыновление гражданами США / Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/30-01-2013/rossiyane-o-sirotakh-i-zakone-zapreshchayushchem-ikh-usynovlenie-grazhdanami-ssha> (дата обращения: 22.07.2015).

«Измени одну жизнь». URL: <http://changeonelife.ru/videopassport/fil-my-kotory-e-menyayut-zhizni/#.VXWwEY7XQSU> (дата обращения: 20.07.2015).

Салтыкова Л., Артемьева Н., Газарян А. Помощь детям-сиротам с инвалидностью: некоторые идеи и принципы // Организация работы по семейному устройству. URL: <http://detivokrug.org/spetsialistam/185-vy-rabotaete-v-sisteme/organizatsiya-raboty-po-semejnomu-ustrojstvu/264-pomoshch-detyam-sirotam-s-invalidnostyu-nekotorye-idei-i-printsipy> (дата обращения: 10.09.2015).

Семейное устройство в России. Серия «В фокусе: ребенок — родитель — специалист» // Благотворительный фонд Е. и Г. Тимченко. М.: РПФ НИК, 2014.

Семья Г., Зайцева Н., Зайцев Г. Деинституционализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как основа социальной политики в городе Москва // Управление мегаполисом. 2009. № 1.

Служба помощи «Милосердие» открыла первый в России негосударственный детский дом для детей-инвалидов // Официальный сайт Московского Патриархата. Служба помощи «Милосердие» 2.03.2015. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4007970.html> (дата обращения: 20.07.2015).

Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., Вербилович О.Е. Приемная семья в России...

Усыновление в России // Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/3/> (дата обращения: 24.07.2015).

Усыновление детей-сирот тормозится мифами и психологическими барьерами — исследование благотворительного фонда «Найди семью» и компании GfK. URL: <http://www.gfk.com/ru/news-and-events/press-room/press-releases/pages/gfk-and-find-family-charity-foundation-what-is-stopping-adoption.aspx> (дата обращения: 12.09.2015).

Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» (с изменениями и дополнениями) от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/193182/> (дата обращения: 20.07.2015).

Шмидт В. Обреченные на турбулентность: идеи и институты защиты детей на постсоветском пространстве // Политика семьи и детства в постсоциализме / под ред. В. Шмидт, Е.Р. Ярской-Смирновой, Ж.В. Черновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2014. С. 13–35.

Шмидт В.Р. Согласованная политика охраны детства: благое пожелание или достижимая цель (российский и чешский опыт) // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7 (2). С. 151–174.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Антонова В.К., Бирюкова С.С. Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России // Политика семьи и детства в постсоциализме / под ред. В. Шмидт, Е.Р. Ярской-Смирновой, Ж.В. Черновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2014. С. 72–98.

Barth R. On their own: The experience of youths after foster care, *Child and Adolescent Social Work*, 1990, 7, pp. 419–440.

Fanshel D., Shinn E.B. *Children in foster care: a longitudinal investigation*. Guildford: Columbia University Press, 1978.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy, *Social Text*, 1990, 25/26, pp. 74–77.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

Jones M.A., Moses B. *West Virginia's Former Foster Children: Their Experiences in Care and Their Lives as Young Adults*. N.Y.: Child Welfare League of America, 1984.

Quinton D., Rutter M., Liddle C. Institutional rearing, parenting difficulties and marital support, *Psychological Medicine*, 1984, Feb 14(1). pp. 107–124.

Reid J.H. On “Deinstitutionalization”, *Child Welfare*, 1975, 54(4).

Romanov P. Quality Evaluation in Social Services: Challenges for New Public Management in Russia, in: *Mixes, Matches, and Mistakes: New Public Management in Russia and the Former Soviet Republics*, ed. by G. Peters, Budapest: LGI, OSI, 2008, pp. 9–53.

Schmidt V., Bailey J.D. Institutionalization of Children in the Czech Republic: A Case of Path Dependency, *Journal of Sociology & Social Welfare*, 2014, 41(1), pp. 53–75.